
«ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ» АНТРОПОЛОГИИ: ОТ ПОЗИТИВИСТСКИХ АМБИЦИЙ К ПРИЗНАНИЮ МУЛЬТИПАРАДИГМАЛЬНОСТИ

А.Е. Капишин

Кафедра социологии

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Макляя, 10/1, Москва, Россия, 117198

Статья предлагает краткий экскурс в историю антропологии как дисциплины, разбитой на несколько логически независимых друг от друга исследовательских традиций. Эволюционистская этнология выступает в качестве хронологически первой такой традиции. Автор рассматривает конкуренцию культурной и социальной антропологии, базирующихся на противоположных «метафизических предпосылках», отмечая, что, несмотря на разное позиционирование по отношению к социологии, культурная и социальная антропология оказали существенное влияние на социологическое знание. В статье затрагивается тема формирования во второй половине двадцатого столетия структурной антропологии и этнометодологии, отказавшихся от ранее общепринятых в среде западных ученых позитивистских критериев научности. Исторический экскурс завершается рассмотрением слияния культурной и социальной антропологии и анализом мультипарадигмального характера современной антропологии.

Ключевые слова: культурная антропология; эволюционная этнология; социальная антропология; структурная антропология; «примитивные» общества; культурные исследования; исследовательская традиция; мультипарадигмальность науки.

Исследуемая дисциплина особенно тем, что имела множество названий. Наиболее часто используемые ее имена: «антропология», «этнология», «этнография». За каждым обозначением лежит свой концептуальный аппарат, особый характер отношения к другим дисциплинам, социологии в частности.

По мнению С.А. Токарева, «споры об объеме и предмете этнографической науки... принесли больше вреда, чем пользы, потому что... долгое время отвлекали внимание... от задач положительной исследовательской работы в сторону абстрактных рассуждений и игры в дефиниции» [20. С. 8]. Споры этого рода начались еще в конце девятнадцатого столетия и не прекращены в настоящее время. Не раз отмечалось в этой связи, что «все это порождает терминологическую сумятицу и продолжает многолетнюю традицию „игры в дефиниции“, когда понятийный аппарат зависит либо от методологических пристрастий автора, либо от „моды“...» [22. С. 118]. Несмотря на все это, значимость антропологии в корпусе социальных наук высока. Именно из нее возникла культурология, социология без ее влияния была бы другой, постмодернистский «дискурс» также зарождался в одной из ее «исследовательских традиций».

В конце девятнадцатого столетия, при господстве «эволюционной школы», как правило, использовался термин «этнология». Более редко, например Л. Фробениусом в «Детстве человечества. Первобытная культура аборигенов Африки и Америки» [23], использовался термин «антропология».

Этнологию, как номотетическую дисциплину, отличали от базовой по отношению к ней идеографической этнографии. Предметом обоих считались общества, не имеющие письменности, называвшиеся в традициях эволюционизма «примитивными», «первобытными», «архаическими». Данное понимание предметной области этнологии и этнографии закрепится, десятилетия спустя А. Кребер отметит, что «этнография занимается изучением культур народов, не имеющих письменности» [27. С. 191]. Эволюционистская терминология со временем была заменена, современные антропологи наиболее часто используют такие термины как «до-современные общества», «незападные общества», «альтернативные культуры» [24. С. 25], «другие культуры» [12. С. 53].

Эволюционистское направление было разделено на «биологическое», иначе говоря, «биоорганическое», господствовавшее в англоязычной научной среде, и социологическое, связываемое чаще всего со школой Э. Дюркгейма (1).

В «биоорганической школе» Г. Спенсера этнология понималась, в соответствии с постулатами «первого» позитивизма, как естественная, а не социальная наука. Соответственно антрополог в ней позиционировался как «scientist», т.е. как такой же представитель естественных наук, как биолог или физик.

Большинство британских социологов считали этнологию разновидностью социологии, также воспринимавшейся в качестве естественнонаучной дисциплины. Точно так же понимал соотношение этнологии и социологии Э. Дюркгейм. Он, однако, отличал систему знаний о «социальных фактах» от биологии и естественных наук, определяя этнологию как социальную дисциплину, составную часть социологии. Его главный ученик следовал той же линии: «Мосс включал в социологию главным образом этнографию... По замыслу Мосса, „оплодотворение“ этнографии социологией должно было превратить ее в науку... Этнографию он, по существу, не отличает от этнологии, а этнологию — от социологии, поскольку все эти науки, с его точки зрения, имеют один предмет — познание социальных фактов. Этнология и этнография являются для него той же социологией, исследующей общества, отличные от современного, прежде всего так называемые первобытные общества» [7. С. 317].

М. Мосс был как инициатором создания Института этнологии, где читал курс этнографии, так и профессором социологии [7. С. 314].

В связи с тем что ведущие социологи в Европе считали этнологию частью социологии, этнология/этнография интеллектуалами не воспринималась как отдельная от социологии дисциплина. Так, Р. Генон не проводил различия между «этнологией» и «социологией», относя все этнологические исследования к «социологическим». Такое восприятие было обусловлено широким пониманием термина «социология» как «науки об обществе», не оставлявшем места для «этнологии» как отдельной дисциплины.

Хотя концептуального отделения социологии от этнологии не существовало, большинством ученых эти дисциплины отличались друг от друга на основании изучения обществ разных типов. Как отметил В.Б. Косицын, «социология была связана с исследованием европейцев и североамериканцев, живущих в урбанизиро-

рованных и модернизированных обществах. Понятия социологии рождались на исследовании Запада... Антропология изучала людей, живущих в обществах традиционных, племенных. Люди Запада изучали незапад» [9]. Остается добавить к этому только то, что «незапад» изучался не только антропологией, направленной на традиционные общества «нецивилизованных народов» (2), называвшиеся так, поскольку они не имели письменности и государственности, но и ориенталистикой (востоковедением), направленной на традиционные «цивилизованные» общества, имевшие государственность и письменность.

Как выше отмечалось, термины «этнология» и «антропология» первоначально использовались как синонимы.

Однако когда в начале XX в. эволюционистская этнология начинает вытесняться «культурной антропологией», термин «антропология» противопоставляется «этнологии». Сделал это Ф. Боас, который основал «историческую школу», базирующуюся на «историческом методе исследования», и обозначил ее термином «антропология». «Этнология» же в его системе координат обозначала «старую» эволюционистскую школу, основанную на сравнительно-историческом методе. Ф. Боасу также принадлежит авторство термина «культурная антропология» — это было название «этнографической науки», утвердившееся в США «к 1919 году, в результате острой полемики Ф. Боаса и его учеников с собственно антропологами, биологами, психологами США, возражавшими против сведения предмета этнографической науки к культуре» [2. С. 78].

Культурная антропология не просто ввела понятие «культура» в антропологию, но кардинально изменила ее язык, способ теоретизирования. Культурная антропология не считала себя частью социологии, поскольку отделила культурную систему от социальной. Внутри нее как теоретической дисциплины выделялась этнография, понимавшаяся как «методологическая и практическая основа, на которую опирается антропологическое исследование. Находясь в поле, исследователь занимается этнографией. Компонуя свои полевые записи в... отчет об увиденном и зафиксированном в поле, он занимается этнографией. Однако задача создания того, что понимается как результирующий «научный труд» (...к которому прикладываются уже аналитические, а не просто дескриптивные усилия) — это задача антропологии» [8. С. 8]. С вытеснением эволюционистской этнологии «культурной антропологией» из американской научной среды в первые два десятилетия XX в. уходит и трактовка роли антрополога как «естественнонаучника».

От «культурной антропологии», возобладавшей в США, отличалась «социальная антропология» — дисциплина, изучавшая «примитивные» общества в социологическом ракурсе и продолжившая универсалистский дискурс этнологии. Не случайно ее создателем считается известный эволюционист Дж. Фрезер. А.Р. Рэдклифф-Браун писал: «когда Фрезер произносил инаугурационную речь в качестве первого профессора социальной антропологии в 1908 г., он определил социальную антропологию как отрасль социологии, которая имеет дело с примитивными обществами» [17. С. 10]. При этом он отличил социальную антропологию от этнологии и этнографии, выстроив их в иерархический ряд: «Задачу социаль-

ной антропологии он видел в открытии «общих законов, по которым история человечества шла в прошлом и по которым, если природа действительно единообразна, она пойдет в будущем». Этнологии он оставил классификацию народов, реконструкцию исторического процесса их расселения и культурного взаимодействия. Этнографии же... придал значение начального этапа исследовательской деятельности, который заключается в сборе, первичной обработке и описании фактического материала из жизни изучаемых народов» [14. С. 13]. Впоследствии в социальной антропологии, помимо этнографии, выделили еще одну дисциплину, занимающуюся «первичной обработкой» — «доисторическую антропологию». А.Р. Рэдклифф-Браун писал о ней следующее: «Этнография отличается от истории тем, что этнограф, в отличие от историка, использующего письменные свидетельства, получает все данные или большую их часть путем непосредственного наблюдения или контакта с народом, о котором он пишет. Доисторическая археология, представляя собой другую ветвь антропологии, отчетливо демонстрирует идеографический подход, направленный на получение фактических знаний о доисторическом прошлом» [17. С. 9].

В отличие от «культурной антропологии», противопоставившей себя эволюционистской этнологии, «социальная антропология» выделилась из последней, логически как бы надстроившись над ней.

С 1910—1920-х гг. социальная антропология, хотя и в различных концептуальных вариантах, утвердилась в Британии. При этом она использовала те же методы «полевой», т.е. этнографической, работы, что и культурная антропология, и точно так же рассматривала получаемые посредством них эмпирические результаты как первичные, используемые впоследствии для теоретических обобщений. Однако социальная антропология была продолжением классической эволюционной этнологии, поскольку также «базировалась на постулате существования некоего универсалистского скелета человеческих сообществ, который, как атомное строение объектов в естественных науках, все „научно“ объяснял в сфере человеческой жизни» [8. С. 11]. Тем самым социальная антропология не отвергла, но продолжила «универсалистский цивилизационный дискурс», явившись его новым «воплощением», использовавшим методы «полевого исследования».

Принято считать, что данный «дискурс» преобладал во французской и британской научной среде, конкурируя с «релятивистским дискурсом» американской культурной антропологии и диффузионизма в Германии (3).

Однако во Франции до 1960-х гг. дисциплина, как и во времена М. Мосса, называлась этнологией, а не «социальной антропологией» [1. С. 70]. Французская этнология до 1960-х гг. строго продолжала дюркгеймовский подход, в то время как британская антропология, хотя и испытала влияние школы Э. Дюркгейма, все же более тесно была генетически связана с английской «классической антропологической школой», не случайно ее первым профессором был Дж. Фрезер. И хотя методологически и концептуально французская социологическая этнология была близка британской «социальной антропологии», она была переименована в антропологию лишь К. Леви-Строссом, лингвистический подход которого суще-

ственно отличался от функционалистского подхода британской социальной антропологии.

Специфической была и антропология в Германии, отличавшаяся от антропологий других западных обществ тем, что на институциональном уровне делилась на этнологию, изучающую культуру неевропейских «примитивных обществ», и антропологию, исследующую фольклор и традиции «народных европейских культур». Это деление восходит корнями к философии Гердера, разделившего народы на «естественные» и «культурные». Характерно, что оно сохраняется и в современной германской антропологии. Другая ее особенность, особенно рельефно выраженная до 1945 г., заключалась в том, что в ней существенную роль играла физическая антропология, тесно связанная с расоведением и евгеникой. Данная, отчасти биологическая, дисциплина в других антропологиях, как правило, была отделена от социальной или культурной. В Германии же она логически соединялась как с доминировавшим в ней диффузионизмом, так и с национальной версией «социальной антропологии».

Дискуссии между культурными и социальными антропологами с 1920-е по 1960-е гг. определяли «климат» в среде западных антропологов. О различии «социальной» и «культурной» антропологий писал К. Леви-Стросс: «Провозглашает ли себя антропология „социальной“ или „культурной“... в одном случае отправной точкой в ее изучении служат изделия, а в другом — представления» [11. С. 13—14]. Иная формулировка, фиксирующая отличие культурной антропологии от социальной, такова: «Разногласия между культурантропологами США и социалантропологами Великобритании и Франции по соотношению наук исходят из разной оценки значимости понятий „культура“ и „общество“. Если в первом случае более широким считается понятие «культура», а социум рассматривается как ее подсистема, то во втором „общество“ является всеобъемлющим понятием, а культура рассматривается как одна из функций социума. В итоге, в мировой науке сложилась традиция использования данных и культурной, и социальной антропологии как взаимодополняющие» [13. С. 6].

Впрочем, такое понимание неединственно. Некоторые представители «культурноантропологической традиции», например А.А. Белик, растворяют социальную антропологию в культурной, определяя ее как разновидность последней: «Социальной антропологией называется культурно-антропологическое знание в Европе... В качестве ее отличительного признака можно выделить повышенное внимание к социальной структуре, политической организации, управлению и применению структурно-функционального метода исследований» [3. С. 7]. В.А. Тишков отмечал, что большинство отечественных ученых не проводили концептуального различия между культурной и социальной антропологией, считая, что это одна и та же, по-разному называемая наука, в первом случае существующая в США, во втором — в Западной Европе [19. С. 35].

Как социальная, так и культурная антропология оказали существенное концептуальное и методологическое влияние на социальные науки, особенно на социологию. Влияние культурной антропологии заключалось в «привнесении идей

культурного релятивизма» [12. С. 60]. Методологически оно началось с исследования антропологом Р. Редфилдом крестьянских сообществ в современных западных социумах. Вскоре он занялся изучением современных городских обществ, дав основание «антропологии города».

Не столь редко антропологи становились социологами. Так, У.Л. Уорнер «одним из первых попытался применить опыт социально-антропологического подхода, полученный им во время полевого исследования австралийских аборигенов, к анализу современного городского сообщества Запада... использовал и взятый им из социальной антропологии метод включенного наблюдения, и социально-антропологический категориальный аппарат, прежде применявшийся исключительно для описания и анализа примитивных обществ. Этот подход... позволил Уорнеру выработать свежий взгляд на современное общество, показать его в неожиданном ракурсе» [15. С. 282].

Уорнер был не единственным, аналогичный путь проделал несколько позже П. Бурдьё, писавший: «факт постановки традиционных этнологических вопросов по поводу нашего общества и разрушения традиционных границ между этнологией и социологией был... политическим актом» [4]. Факт прихода в социологию многих антропологов естественно связан с проникновением в социологию методов антропологии. Не раз отмечалось, что качественные методы в социологии (включенное наблюдение, биографический метод, нарративный анализ, «плотное описание») пришли именно из антропологии. В этой связи некоторые социологи, в частности Э. Гидденс, отказались от строгого разграничения социологии и социальной антропологии, отметив, что «между названными социальными науками нет четких границ, в них существуют общие интересы, методы, понятия». Гидденс указывал, что все различие заключено только «в акцентах»: в социологии «особый акцент делается на анализе процессов, происходящих в индустриальном мире» [6. С. 618], в антропологии — на анализе «примитивных» обществ.

Отрицание строгого различия социологии и антропологии было связано также с обратным влиянием социологии на антропологию, усилившимся во второй половине двадцатого столетия: «хотя в рамках университетской структуры факультетов эта дисциплина [социальная антропология] нередко существует отдельно от социологии, их интеллектуальное сближение, провозглашенное много лет назад, в последнее время продвигается особенно быстро» [5. С. 58].

Разъяснение соотношения понятий «культура» и «общество» в совместной статье А. Кребера и Т. Парсонса «Понятие культуры и социальной системы», написанной в 1958 г., было воспринято в научной среде того времени как попытка разрешить конфликт между культурной и социальной антропологией. Так как последняя рассматривалась как часть социологии, статья была посвящена разъяснению отношений культурной антропологии с социологией. Статья предлагала дифференцировать антропологию и социологию как две близкие социальные дисциплины, основанных на разных способах анализа. Первоначально, во времена господства эволюционистской этнологии, разграничения между понятиями «общество» и «культура» не существовало, скажем, Э. Тейлор использовал понятие

«культура» в смысле «общества». Такому недифференцированному положению дел (как известно, для Т. Парсонса такое состояние мыслилось первичным в эволюционном процессе) в понятийной сфере соответствовало и то, что в этот период существовало только сугубо операциональное различие антропологии и социологии: первая ограничивалась исследованием «примитивных обществ», социология — индустриальных. Основной тезис статьи заключался в утверждении «аналитической независимости культуры и социальной системы», что означало признание равноценности культурной антропологии и социологии/социальной антропологии. Обе дисциплины определялись авторами как «различные системы, при помощи которых абстрагируются или отбираются аналитически отличные ряды компонентов из одних и тех же конкретных явлений» [10]. Утверждая «аналитическую независимость культуры и социальной системы», авторы в то же время отмечали, что социология и культурная антропология тесно связаны друг с другом, и не исключено, что в будущем будут интегрированы в одну дисциплину.

В 1960-х гг. происходит выход исследований культуры из антропологической сферы. Создание культурологии связывают с Л. Уайтом, расширившим предмет своей неэволюционистской антропологии, утверждая, что она должна изучать и современные общества. Происхождение культурологии из антропологии дает основание некоторым авторам говорить о единой «культурно-антропологической традиции», объединяющей культурную антропологию и культурологию, поскольку «антропологическое изучение культур является ядром, стержнем культурологического знания в целом» [3. С. 5].

Кроме культурологии в современной научной среде существует «школа культурных исследований», вовсе не произошедшая от академической британской социальной антропологии, но вобравшая в свои ряды многих бывших социальных антропологов: «Хорошо известно, что за пределами бывшего Советского Союза ничего похожего на „культурологию“ не существует... У западных исследователей недоумение зачастую вызывает сам термин, равно как и содержательная и методологическая направленность „новой“ постсоветской дисциплины. В то же время в англо-саксонских интеллектуальных кругах на протяжении последних тридцати лет интенсивно развивалось такое направление, как „культурные исследования“» [21. С. 432]. Современные антропологи отмечают в связи с «громким успехом культурных исследований» в последние десятилетия, что «голос антропологии был приглушен» [24. С. 21], т.е. как культурология в российской научной среде последних десятилетий, так и «культурные исследования» в западной традиции отчасти заменили собой антропологию.

Во второй половине XX столетия бесписьменных и безгосударственных обществ, составлявших объект классических антропологических исследований, почти не осталось. Это отмечалось, в частности, П. Штомпой, писавшем, ссылаясь на Д. Чиро: «...на свете осталось очень немного „традиционных“ обществ. Практически все жители планеты за исключением обитателей самых глухих уголков на Амазонке и в Африке испытали на себе влияние высоко модернизированного „западного мира“... Местные нормы и ценности, обычаи и мораль, религиозные ве-

рования, модели семейной жизни, способы производства и потребления, похоже, исчезают под натиском современных западных институтов» [25. С. 91]. Поэтому изучение типично «примитивных» обществ в антропологии отчасти сменилось «постколониальными исследованиями» «переходных», частично модернизированных обществ. Под ними понимались общества «третьего мира», получившие независимую государственность после распада колониальной системы. Такого рода общества рассматривались, прежде всего, в аспекте происходящих в них «массштабных культурных изменений», под которыми понимались урбанизация, вестернизация, «аккультуризация». При этом «...между социологами и этнографами... наметилось, правда, не всегда четкое, разделение труда: первые изучают комплекс социальных проблем преимущественно в рамках промышленно развитых стран. Выступления же этнографов («культурных» и «социальных» антропологов) ...свидетельствуют о том, что основным предметом своих исследований сегодня они считают народы развивающихся стран» [2. С. 219]. Изменение предметной области антропологии с «примитивных» обществ на общества государств «третьего мира» стерло условную границу, отделявшую ее от ориенталистики (востоковедения). Поэтому в последней трети XX столетия, как отмечал, в частности, Э. Саид, термин «ориенталистика» исчезает из науки [18. С. 9], сливаясь с частью культурной/социальной антропологии в новую дисциплину под названием «страноведение».

В 1960-е гг. во Франции, в противовес Институту этнологии, во главе которого стояли последователи этнологии М. Мосса, возникает структурная антропология К. Леви-Стросса. Она характеризуется не социологическим, но формалистическим, лингвистическим подходом, основанным на структурной лингвистике Ф. де Соссюра.

Из всех школ к структурной антропологии ближе была социальная антропология, поскольку продолжала универсалистский подход к пониманию обществ. Однако социальная антропология, в отличие от структурной, фокусировала исследования не на семиотических (языковых), а на социальных структурах «примитивных народов». Не раз отмечалось, что структурная лингвистика, возможно и невольно для ее создателя, сыграла определяющую роль в формировании «постмодернистского дискурса». Непосредственно в современной французской антропологии «продолжает леви-строссовскую традицию изучения человеческого духа... когнитивная антропология, изучающая способы производства и трансляции культурных представлений» [1. С. 76].

Под влиянием структурной лингвистики в это же примерно время, но преимущественно в англоязычной среде, возникает «этнонаука», представленная Г. Гарфинкелем и У. Стертевантом. Впрочем, определяющее влияние на «этнонауку» оказала феноменология, в 1970-е гг. вытеснившая из западной социологии «структурный функционализм». «Идейные корни этнонауки уходят к ...теории понимания В. Дильтея... этнонаука развивается... как попытка создать теорию понимания в этнографии» [2. С. 266]. К идеям этнонауки и применению феноменологического подхода в рассмотрении «досовременных обществ» был весьма близок М. Элиаде.

В последней четверти XX столетия происходит не слияние, но сближение и «перекрещивание» ранее противостоявших друг другу социальной и культурной

антропологий. Это выразилось в том, что стал использоваться термин «социокультурная антропология». Некоторые новооткрытые кафедры и центры в последнее время так и называются. Все это дает основания утверждать, что «социальная и культурная антропология в настоящее время по существу являются одной наукой» [14. С. 11]. Такое слияние не просто совпало, но и стало возможным с отказом от «позитивистского языка, характеризовавшего академическую антропологию» [12. С. 54]. Место позитивизма занимают «новые веяния» — постпозитивизм и постмодернизм, «сущность которых... может быть сведена к отказу от стандартного идеала научности (объективность, закономерность, экспериментальность, верифицируемость знания)» [14. С. 458—459].

Утверждение постпозитивизма и постмодернистского подхода привело к тому, что, как отметил Д. Маркус, современная американская социокультурная антропология «находится в состоянии неведения относительно собственной дисциплинарной области. У антропологов нет чувства собственного “дисциплинарного места”» [12. С. 59]. Это связано с тем, что многие, хотя и не все, представители данной дисциплины понимают ее не как изучение традиционных «этнографических регионов», но как «практику изучения процессов формирования и трансформирования культурной и социальной идентичности» [12. С. 57]. Поэтому социокультурные антропологи стали работать в таких, ранее совершенно не характерных для них предметных областях, как «культура средств массовой информации, корпораций, рекламы, рынков, воздействие высоких технологий на общество» [12. С. 57—58].

В этих сферах социокультурная антропология вошла в настолько тесный контакт с социологией, что стала фактически неотличимой от нее. Такое размывание ранее четкого «дисциплинарного места» привело к тому, что не только сами антропологи, но и «представители социальных наук... с момента разрыва с позитивистской практикой исследований в конце 1970-х и в 1980-х гг. стали все меньше понимать, в чем состоит смысл антропологических исследований» [12. С. 65].

Данное размывание «парадигмальных рамок» дисциплины, отход от ее традиционного предмета и обращение к проблемам, ранее характерным для литературоведения, лингвистики, журналистики и пр., наиболее сильно выражено именно в американской антропологии, «в британской социальной антропологии все это проявляется в гораздо более мягкой форме... и на фоне никогда не исчезающего скепсиса по отношению к новым веяниям. Здесь всегда громко звучали голоса о необходимости возвращения к старым добрым принципам познания» [14. С. 459].

Говоря о современном положении вещей, разные авторы сходятся в том, что ныне «под антропологией понимается не столько конкретная дисциплина, сколько... область знания, которая может включать в себя ряд различных дисциплин»; «антропология — не столько единая наука... сколько несовершенный сплав весьма разных традиций исследований: биологической, исторической, лингвистической, социологической» [8. С. 12]. Принято писать в этой связи о сосуществовании в современной антропологии различных «исследовательских традиций», носителями которых являются разные «интерпретативные сообщества». Такая си-

туация, в связи с явной или неявно выраженной постпозитивистской позицией авторов, оценивается, как правило, положительно «она вовсе не означает, что антропологическая дисциплина рассыпается. Она означает, что дисциплина развивается, приспособляясь к новым условиям» [8. С. 15].

Итак, можно констатировать, что 1) с середины девятнадцатого столетия существует блок научных исследований определенного типа обществ, выделенных на основе их бесписьменного и безгосударственного характера. Такие общества получили эволюционистские обозначения «примитивных»/«архаических»/«первобытных». Исследование «восточных обществ» не относилось к этому блоку на том основании, что они обладали письменностью и государственностью. До начала XX в. научные исследования такого типа, как правило, назывались этнологическими, носили эволюционистский и чаще всего биологизаторский характер. Этнологию понимали как разновидность социологии; 2) в начале двадцатого столетия появляется «культурная антропология», представители которой отличают свою дисциплину как от социологии, так и от эволюционистской «этнологии». К началу 1920-х гг. культурная антропология в США почти полностью вытесняет старую этнологию. В Британии в это время утверждается социальная антропология, в целом продолжающая универсалистские принципы этнологии. Вплоть до 1960-х гг. культурная антропология, с одной стороны, и социальная антропология и этнология школы Мосса во Франции, с другой, противостоят друг другу; 3) в 1960-е гг. из культурной антропологии выделяется культурология, распространяются «постколониальные исследования», во Франции возникает структурная антропология Леви-Стросса, основанная на структурной лингвистике де Соссюра. Близка к ней и «этнонаука» Гарфинкеля, получившая некоторое распространение в англоязычной среде; 4) в последней четверти XX в. социальная и культурная антропология практически сливаются в социокультурную антропологию. Распространение постмодернизма приводит ее к кризису, частичному замещению «школой культурных исследований».

В заключение экскурса в мировую историю этнологии/антропологии, ее концептуальных и методологических связей с другими социальными науками, прежде всего — с социологией, следует немного сказать о ее отечественной истории, которая, по причине того что дисциплина развивалась в особом советском социалистическом обществе, была весьма специфической. В СССР дисциплины под именем культурной или социальной антропологии не существовало, а о данных исследовательских направлениях было известно только узкому кругу специалистов, которые критиковали данные «буржуазные науки» с позиций «марксизма-ленинизма». Вместо них в советской науке существовали «антропология» и «этнография»: «за антропологией закрепился образ профессии, имеющей дело с „измерением черепов“, т.е. того, что в большинстве академических традиций сегодня входит в рубрику физической антропологии (в последнее время все чаще называемой биологической антропологией)» [8. С. 7].

Кроме антропологии в этом смысле слова существовала дисциплина под названием «этнография», которая была принципиально описательной, тщательно

отделенной от теоретически нагруженной «буржуазной этнологии». Исключительно описательный характер дисциплины был не случаен — она была призвана «поставлять специфический материал для марксистско-ленинской исторической науки» [8. С. 9]. С этим обстоятельством, обусловленным идеологическим решением «сверху», было связано и то, что советская этнография выступала на исторических факультетах в качестве «вспомогательной» исторической дисциплины, никак не связанной с социологией.

Сообщество советских этнографов в течение длительного времени развивалось практически без связей с западными антропологическими школами и, пребывая в длительной изоляции, как бы «законсервировалось». Подавляющее большинство работ по культурной и социальной антропологии не переводились, оставаясь недоступными советским этнографам, которые «варились в собственном соку». Собирая новый эмпирический материал, его интерпретировали посредством марксистской теории, в варианте, неизменном со времен «Происхождения семьи и частной собственности» Ф. Энгельса. В советской этнографии «примитивные общества» было принято называть «первобытными», главной их отличительной чертой считалось отсутствие не письменности, а государственности. Их типологизация по идеологическим соображениям воспроизводила терминологию этнологии XIX в., использовавшуюся еще Л. Морганом, но уже давно считавшуюся устаревшей в культурной и социальной антропологии.

Так, в советской этнографии «история первобытного общества» неизменно делилась на «три ступени дикости» (низшую, среднюю, высшую) и идентичные по названиям «три ступени варварства», за которыми следовали «рабовладельческие цивилизации» [16. С. 285—286, 391—392]. Традиционные общества, имеющие государственность, в СССР не принято было именовать «первобытными» — но «рабовладельческими» или «феодальными». Они изучались историей, если речь шла об исчезнувших обществах, или востоковедением — в случае существующих неиндустриальных и нехристианских обществ, обладающих государственностью. С начала 1990-х гг. термин «востоковедение» используется все реже, а работы, ранее называвшиеся «востоковедческими», стали, как правило, именоваться «культурологическими».

Особняком как методологически, так и концептуально стояла возникшая в начале 1960-х гг. Тартуско-московская семиотическая школа, представленная Ю.М. Лотманом, В.Н. Ивановым, В.Н. Топоровым, Б.А. Успенским и др. Хотя официально она не имела отношения к советской этнографии, определяя себя порой как «литературоведческую», ее представителями было написано немало антропологических работ. Исследования Тартуско-московской школы были близки работам школы структурной антропологии Леви-Стросса. Это объяснялось тем, что данная школа, как и, по крайней мере, в некоторой степени Леви-Стросс, основывалась на трудах русских «формалистов». После распада СССР школа как целое перестала существовать, хотя ее московские представители продолжили свои исследования.

С 1990-х гг. собственно этнографические работы стали, как на западе с середины XX столетия, квалифицироваться как этнологические, «чтобы устранить раз-

личия с терминологией, принятой в мировой науке» [26. С. 3]. Некоторые работы в этой области стали обозначаться как «культурологические». В целом в России «в 1990-х годах термин „антропология“ стал модным, однако использовался... по-всякому — и мог означать все что угодно, от философии до социологии и от антропософии до астрологии» [8. С. 7].

Несмотря на терминологическую путаницу, можно зафиксировать два обстоятельства в современном российском антропологическом сообществе: во-первых, не существует единой доминирующей исследовательской традиции — в этом смысле оно концептуально и методологически фрагментировано, разбито на несколько конкурирующих исследовательских групп; во-вторых, в нем заметно «предпочтение социальной антропологии», тесно примыкающей к социологии, причем это обстоятельство «обозначилось в российском интеллектуальном сообществе довольно давно» [8. С. 14]. Причина такого положения дел связана с большей наукообразностью социальной антропологии, с тем, что она более соответствует «сциентистским принципам», к которым сообщество российских ученых в социальной сфере, после эмансипации от идеологического, «схоластического» диктата марксистско-ленинской философии, испытывает склонность компенсационного характера.

Такого рода акцентуация на социальной антропологии контрастирует с тем, что в современной западной антропологии социальная антропология практически уже не существует как отдельная дисциплина. Если не полностью, то в значительной мере она слилась с культурной антропологией. По крайней мере, отчасти это связано с тем, что, несмотря на серию переводов классиков этнологии, социальной и культурной антропологии, значительная часть работ западных авторов по-прежнему не переведена и недоступна для российского научного сообщества.

После экскурса в историю антропологии следует высказать несколько соображений в логическом пространстве философии науки. Прежде всего, все школы этнологии/культурной и социальной антропологии не просто использовали эмпирические методы, но основывались на философском принципе эмпиризма, самом по себе эмпирически недоказуемом. Этот подход, утверждающий корректность использования исключительно эмпирических методов для получения достоверного знания, получил обозначение позитивистского. Известный в трех формах — первого, второго и третьего позитивизма (неопозитивизм) — он безраздельно господствовал в западной научной среде, социальных науках и, в частности, философии науки до последней трети XX в. Несмотря на антиметафизическую риторику, обусловленную эмпиризмом социальных наук того времени, их теории в реальности имплицитно базировались на определенных философских предпосылках, которые при их экспликации (развертывании) проявлялись как определенные философские системы, что и было продемонстрировано философами науки постпозитивистской ориентации в их критических по отношению к позитивизму работах. Они к 1980-м гг. окончательно разрушили в западной научной среде позитивистский «идеал научности».

Антропологические теории, базируясь на различных философских основаниях, делились на несколько направлений («исследовательских, аналитических

традиций», «парадигм»). В каждом из них эмпирическая фактура, извлекаемая при непосредственном изучении традиционных обществ, не имеющих письменности и государственности, интерпретировалась по-своему в виду того, что имела собственный язык, непереводаемый на языки других «аналитических традиций».

Теории культурной антропологии, основанные на исходном понятии «культура», базируются на неокантианской философии (4), в которой оказалось возможным сформулировать это понятие в том смысле (как идеальной системы ценностей и норм), в котором оно используется и сейчас. Теории классической эволюционистской школы, как и социальной антропологии, базируются на сенсуалистической философии Просвещения. В них нет логического места для культуры как автономной идеальной системы не детерминируемых ни биологически, ни экономически, ни географически ценностей. Структурная антропология, как уже следует из названия, основана на философии структурализма.

Характерно, что Леви-Стросс не скрывал базирования своего подхода на философской концепции, называя свой метод «кантианством без трансцендентального субъекта». Эволюционисты, культурные и социальные антропологи отрицали базирование на «метафизических предпосылках» в виду принадлежности к дисциплинам, независимым от «метафизики» и идеологии, что было продиктовано позитивистским идеалом научности. Марксистская этнография, относящаяся к филиации «эволюционизма», напротив, подчеркивала, что сама по себе, без диалектического и исторического материализма, неспособна объяснять эмпирическую фактуру.

В постпозитивизме факт метафизичности базиса научных теорий воспринимается не просто спокойно, но считается логически неизбежным. В нем антропология, как и социология, считается мультипарадигмальной наукой: «исследовательские традиции» («парадигмы») конкурируют друг с другом за доминирование в научном сообществе. Однако все они, хотя возможно и в разной степени, не только не являются истинными, но не претендуют более на статус «истинных теорий», т.е. постпозитивистское признание мультипарадигмальности антропологии означает отказ от попытки познать в классическом смысле этого слова традиционное общество. Соответственно, в лице школ, представляющих разные «исследовательские традиции» («парадигмы»), мы имеем дело не со знаниями о традиционных обществах, а с их репрезентациями («видениями»), порожденными различными дискурсами школ.

Постпозитивизм, особенно на первых порах, в концепциях К. Поппера и И. Лакатоса, не стремился к упразднению научного знания, его слиянию с другими «дискурсами» в социальной сфере в частности. Лишь в своих поздних версиях, особенно в «анархистской» концепции П. Фейрабенда, он стал понимать науки, в том числе и особенно социальные, как разновидности мифа.

Такое понимание наук, антропологии в частности, привело к размыванию границ социального знания с гуманитарным, и научного знания — с ненаучным. Точнее говоря, от понимания науки как «знания» в смысле соответствия мыслимого действительному поздний постпозитивизм отказался. Категория «знание»

оказалась заменена постмодернистскими концептами дискурса и репрезентаций. Между тем любой настоящий социальный ученый как стремился, так и стремится именно к знанию. Когда он пытается объяснить явления, то стремится, как минимум, приблизиться к истине, а не сконструировать очередной «дискурс». Этим он отличается от философов — релятивистов, наследников софистов, к которым относится часть «постпозитивистов» и все постмодернисты (5). Только они воспринимают науку не как систему знания, а как набор «дискурсов» и «интеллектуальных конструкторов». Даже если отвлечься от психологической мотивации личности ученого, остается его социальная роль, которую он должен играть. Это роль человека, который хотя и не обладает полнотой знания, но, по крайней мере, стремится к нему и не вполне безуспешно.

Современный метавзгляд на антропологию как на набор репрезентаций утверждает поражение сциентистского проекта в реализации исследовательской стратегии. Антропология создавалась и изменяла свои конкурирующие друг с другом формы как дисциплина, основанная на сциентистских критериях научности, выражающих ценности модернистского общества. Трансформация последнего и, как следствие, отказ от позитивистских критериев научной рациональности, на которых была построена, наряду с другими дисциплинами, антропология, привела ее к глубокому системному кризису. Вместо научной антропологии на данный момент частично утвердился (в виде «культурных исследований») «дискурс» другого, по своей стратегии не исследовательского типа (6).

Стремление к знанию несовместимо с принятием в качестве нормы того факта, что сосуществует несколько логически исключаящих друг друга теоретических систем. Логика исследователя, как и роль ученого, требует непротиворечивости и определенности. Однако это не значит, что система знания (т.е. наук в аристотелевском смысле слова) должна строиться исключительно на позитивизме. Наука в виде натурфилософии существовала задолго до позитивизма и философии сенсуализма, отделивших корпус эмпирического («физического») знания от метафизического, и она противопоставила первое, как якобы самодостаточное и единственно достоверное знание, второму.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Связав «эволюционное направление» в этнологии с биологическим подходом, прежде всего, К. Леви-Стросс отметил, что «исторически социологический эволюционизм предшествует биологическому» [11. С. 9]. Э. Дюркгейм был далеко не первым представителем «социологического эволюционизма», однако, в отличие от своих предшественников, с большим основанием может считаться классиком этнологии.
- (2) М. Мосс одно время возглавлял кафедру «истории религий нецивилизованных народов».
- (3) Идеи родство американской культурной антропологии с германской не случайно. «Патриарх американской антропологии», Ф. Боас был эмигрантом из Германии, на него наибольшее влияние оказала как философия А. Гумбольдта и неокантианцев, так и этнология А. Бастиана.
- (4) Собственно понятия «культура» и «ценности» были запущены в оборот западных интеллектуалов В. Виндельбантом и Г. Риккертом.

- (5) Постпозитивизм и постмодернизм примерно также соотносятся друг с другом, как позитивизм и модернизм. Постпозитивизм выражает идеал рациональности постмодернизма, точно так же как позитивизм выражал идеал рациональности модернизма (идеал научности).
- (6) Природа исследований постмодернистского типа — отдельная тема, в статье рассматривалась именно «сциентистская» антропология.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абелес М.* Об антропологии во Франции // Антропологические традиции. — М., 2012.
- [2] *Аверкиева Ю.П.* История теоретической мысли в американской этнографии. — М., 1979.
- [3] *Белик А.А.* Культурология. Антропологические теории культур. — М., 1999.
- [4] *Бурдые П.* Интервью с А. Хоннет, Х. Косиба и Б. Швибсом. 1986. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2009/2605>.
- [5] *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1993. — № 1.
- [6] *Гидденс Э.* Социология. — М., 2005.
- [7] *Гофман А.Б.* Социальная антропология Марселя Мосса // Мосс М. Общества. Личность. Обмен: Труды по социальной антропологии. — М., 1996.
- [8] *Елфимов А.Л.* Антропология в разных измерениях: предисловие составителя // Антропологические традиции. — М., 2012.
- [9] *Косицын В.Б.* Социология и антропология. URL: <http://www.km.ru/referats/487A517FBAA94B84AEB190917D10A0F9>.
- [10] *Кребер А., Парсонс Т.* Понятие культуры и социальной системы. URL: <http://kk.convdocs.org/docs/index-153275.html>.
- [11] *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. — М., 1980.
- [12] *Маркус Д.* О социокультурной антропологии США, ее проблемах и перспективах // Антропологические традиции. — М., 2012.
- [13] *Мостова Л.А.* Антропологическая традиция в исследовании культуры: вместо введения // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. — СПб., 1997.
- [14] *Никишенков А.А.* История британской социальной антропологии. — М., 2008.
- [15] *Николаев В.Г.* Культурология. Энциклопедия. — М., 1998.
- [16] *Равдоникас В.И.* История первобытного общества. — М., 1939. Т. 1; М., 1947. Т. 2.
- [17] *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе. — М., 2001.
- [18] *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб., 2006.
- [19] *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. — М., 2003.
- [20] *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. — М., 1957.
- [21] *Усманова А.Р.* Гендер и культура в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования. Ч. 1. — СПб., 2001.
- [22] *Фолиева Т. А., Шинкарь О. А.* Интерпретация Альфреда Кребера // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2006. — № 5.
- [23] *Фробениус Л.* Детство человечества. Первобытная культура аборигенов Африки и Америки. — М., 2012.
- [24] *Харвей П.* О преимуществах структурной маргинальности британской социальной антропологии // Антропологические традиции. — М., 2012.
- [25] *Штомпка П.* Социология социальных изменений. — М., 1996.
- [26] *Этнология /* Под общ. ред. Маркова Г.Е., Пименова В.В. — М., 1994.
- [27] *Kroeber A.L.* Ethnographic interpretation // *American Anthropologist*. — 1960. — Vol. 62. — № 6.

'LIFE CIRCLE' OF ANTHROPOLOGY: FROM POSITIVIST AMBITIONS TO THE RECOGNITION OF MULTIPARADIGMATILITY

A.E. Kapishin

Sociology Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article offers a brief historical overview of anthropology as a discipline consisting of several logically independent research traditions, and the evolutionary ethnology seems to be the first one chronologically. The author considers the competition of cultural and social anthropologies as based on opposite 'metaphysical assumptions' noting that despite different attitudes to sociology both have had a significant impact on sociological knowledge. Further, the article describes the formation of structural anthropology and ethnomethodology in the second half of the twentieth century as rejecting positivist scientific criteria previously accepted by Western scientists. The historical overview ends with the consideration of cultural and social anthropologies' integration and the analysis of the multiparadigmality of modern anthropology.

Key words: cultural anthropology; evolutionary ethnology; social anthropology; structural anthropology; 'primitive' societies; cultural studies; research tradition; multiparadigmality of science.

REFERENCES

- [1] *Abeles M.* Ob antropologii vo Francii // *Antropologicheskie tradicii*. — M., 2012.
- [2] *Averkjeva Ju.P.* Istorija teoreticheskoj mysli v amerikanskoj jetnografii. — M., 1979.
- [3] *Belik A.A.* Kul'turologija. Antropologicheskie teorii kul'tur. — M., 1999.
- [4] *Bourdieu P.* Interv'ju s A. Honnet, X. Kosiba i B. Shvibsom. 1986. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2009/2605>.
- [5] *Giddens A.* Devjat' tezisev o budushhem sociologii // *THESIS: teorija i istorija jekonomicheskikh i social'nyh institutov i sistem*. — 1993. — № 1.
- [6] *Giddens A.* Sociologija. — M., 2005.
- [7] *Gofman A.B.* Social'naja antropologija Marselja Mossa // *Moss M. Obshestva. Lichnost'. Obmen: Trudy po social'noj antropologii*. — M., 1996.
- [8] *Elfimov A.L.* Antropologija v raznyh izmerenijah: predislovie sostavitelja // *Antropologicheskie tradicii*. — M., 2012.
- [9] *Kosicyn V.B.* Sociologija i antropologija. URL: <http://www.km.ru/referats/487A517FBAA94B84AEB190917D10A0F9>.
- [10] *Kroeber A., Parsons T.* Ponjatje kul'tury i social'noj sistemy. URL: <http://kk.convdocs.org/docs/index-153275.html>.
- [11] *Levi-Strauss C.* Strukturnaja antropologija. — M., 1980.
- [12] *Markus D.* O sociokul'turnoj antropologii SShA, ee problemah i perspektivah // *Antropologicheskie tradicii*. — M., 2012.
- [13] *Mostova L.A.* Antropologicheskaja tradicija v issledovanii kul'tury: vmesto vvedenija // *Antropologija issledovanij kul'tury. T. 1: Interpretacii kul'tury*. — Spb., 1997.
- [14] *Nikishenkov A.A.* Istorija britanskoj social'noj antropologii. — M., 2008.
- [15] *Nikolaev V.G.* Kul'turologija. Jenciklopedija. — M., 1998.
- [16] *Ravdonikas V.I.* Istorija pervobytnogo obshestva. — M., 1939. T. 1; M., 1947. T. 2.
- [17] *Radcliffe-Brown A.R.* Struktura i funkcija v primitivnom obshestve. — M., 2001.
- [18] *Said E.* Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka. — SPb., 2006.

- [19] *Tishkov V.A.* Rekviem po jetnosu. Issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii. — M., 2003.
- [20] *Tokarev S.A.* Jetnografija narodov SSSR. — M., 1957.
- [21] *Usmanova A.R.* Gender i kul'tura v paradigme kul'turnyh issledovanij // Vvedenie v gendernye issledovanija. Ch. 1. — SPb., 2001.
- [22] *Folieva T.A., Shinkar' O.A.* Interpretacija Al'freda Kreberai // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2006. — № 5.
- [23] *Frobenius L.* Detstvo chelovechestva. Pervobytnaja kul'tura aborigenov Afriki i Ameriki. — M., 2012.
- [24] *Harvey P.* O preimushhestvah strukturnoj marginal'nosti britanskoj social'noj antropologii // Antropologicheskie tradicii. — M., 2012.
- [25] *Sztompka P.* Sociologija social'nyh izmenenij. — M., 1996.
- [26] *Etnologija / Pod obshh. red. G.E. Markova, V.V. Pimenova.* — M., 1994.